

Э.

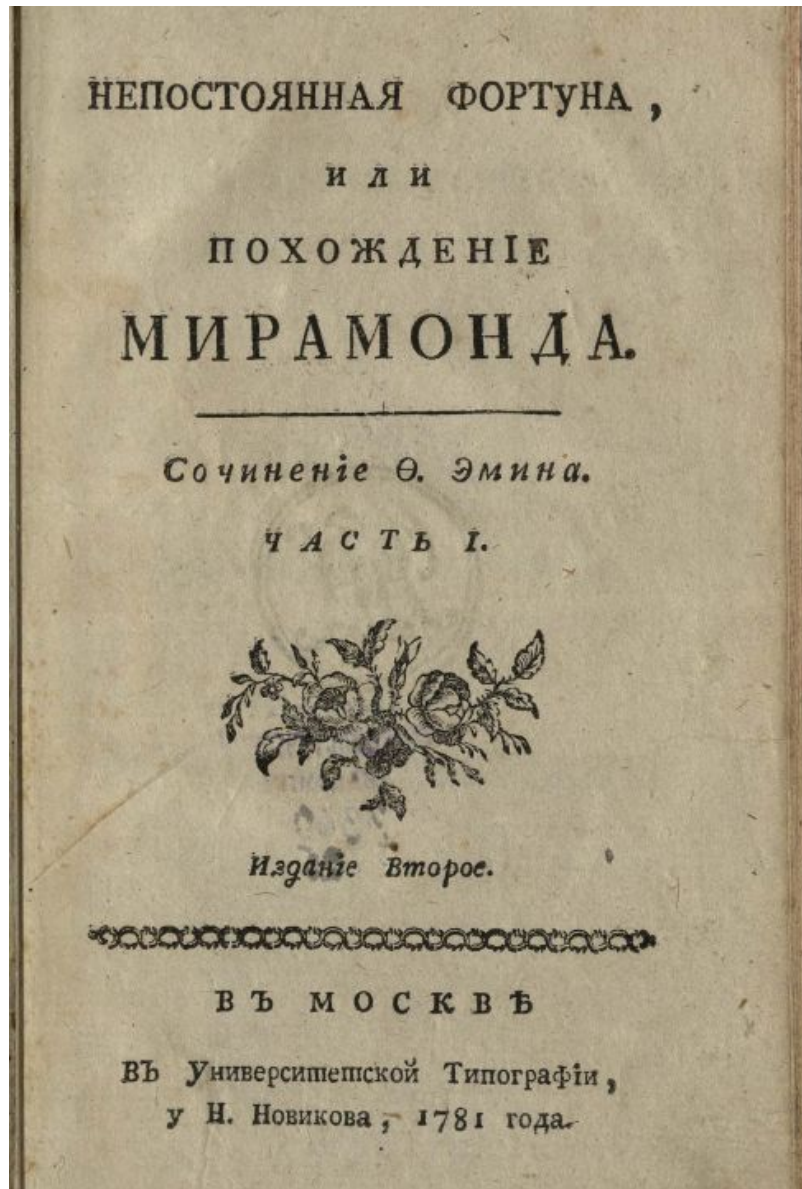
ЭМИНЬ , ФЕДОРЪ АЛЕКСАН-
ДРОВИЧЬ (*), родился около 1735
гс-

(*) Описаніе его жизни, здѣсь слѣдующее ,
поставлено по изустному его о томъ об-
явленію.

«О чтении романов» А. П. Сумароков (1759)

Романовъ столько умножилось, что изъ нихъ можно сослать половину библиотеки цѣлаго свѣща. Полезы оныхъ мало, а вреда много. Говоря о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время, то есть: вѣкъ нашъ, который и безъ того кратокъ. Чтеніе Романовъ не можетъ назваться препровожденіемъ времени; оно погубленіе времени. Романы писанныя невѣжами читашелей научаютъ притворному и безобразному складу, и ошводятъ оныхъ естествонаго, который единъ только важенъ и приятенъ. Мы не худымъ Рома-

Романы Ф. А. Эмина

- «Приключения Лизарка и Сарманды»

Сумароков и Эмин

21. Былъ день отдохновенія. Заказаны дѣлать турецкія платья къ назначенному на 23-е число сего мѣсяца маскараду. Обѣдалъ у насъ Александръ Петровичъ Сумароковъ. Его Высочество весьма забавлялся, какъ онъ описаніе дѣлалъ о г. Еминѣ и о его съ нимъ ссорѣ, также о бывшихъ его побранкахъ съ оберъ-маршаломъ Сиверсомъ. Ввечеру сдѣ-

Из записок Семёна Порошина, воспитателя Павла I

Романовъ столько умножилось, что изъ нихъ можно сослѣавить половину библіотеки цѣлаго свѣта. Полезы оныхъ мало, а вреда много. Говорящъ о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время, то есть: вѣкъ нашъ, который и безъ того кратокъ. Чтеніе Романовъ не можетъ назваться препровожденіемъ времени; оно погубленіе времени. Романы писанныя невѣжами чишашелей научаютъ притворному и безобразному складу, и опиводятъ оныхъ еще сввеннаго, который единъ только важенъ и приятенъ. Мы не худымъ Рома-

ЭЛЕГИЯ (1765)

Пришел желанный час! Прошло уж время злое!
Оставь меня теперь, жена, в покое!
Пора уже печаль твою теперь пресечь;
Дни в радостях мои тобою будут течь,
Любезная моя! Ликуй ты днесь со мною,
Что, страстно тя любя, расстался я с женою.
Чтоб больше заслужить твою ко мне любовь,
Я яростью зажег против нее всю кровь;
Везде ее браню, о зле ее стараюсь,
И дети мерзки мне, и ими я гнушаюсь.
Единственно тебя, прекрасная, люблю;
Жизнь, разум, счастье, честь я для тебя гублю.

Гублю! Давно уже я с честью разлучился,
Всего я для тебя, любезная, лишился!
Уже меня сей град за мерзость почитает;
Колико злобен я, народ о том весь знает.
Но что мне в обществе? На что любовь народна?
От всех теперь сует душа моя свободна.
С тобой я пополам делю мои забавы,
Мы равные с тобой во всем имеем правы:
Я бешен и упрям, ты злобна и бесчестна,
Но всех умняе я, ты больше всех прелестна!
О жизнь души моей! владей всегда ты мною;
Хоть всеми я презрен, да счастлив я тобою.
Но станется, что ты в любви мне лицемеришь
И что еще моим ты клятвам всем не веришь!
Возможно ль быть тому, чтоб пред тобой я лгал,
Чтоб, сколько ты любя, я вдруг неверным стал?

Ах! вспомни, как моя тогда душа страдала,
Во <родах> дважды ты, как Верушка, лежала,
Со всеми хоть тогда лакеями таскалась;
Но страстная душа надеждою ласкалась,
Что буду я тебе сих подлых всех милей,
Коль подлых любишь ты, то я их всех подлей!

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ

Б А С Н И

УКСУСЪ и БУТЫЛКА.

Уксусъ будучи крѣпко пробкою зашкнущъ, началъ бродить и шумѣть; наконецъ бутылка лопнула, и уксусъ по землѣ разлился. Тогда муха начала оной пишь. Уксусъ увидя свое несчастіе, вскричалъ: о немилосердая! я и такъ несчастливъ, а ты мнѣ еще больше вредишь. На что ему отвѣчала муха: кто тебѣ велѣлъ бышь шоль крѣпкимъ? Если бы ты былъ поосмирнѣе, тобы своей бутылки не разбилъ, и по землѣбѣ не валялся, Но теперь самъ ты

ФЕДОРА ЭМИНА.

шому виноватъ, что тебя и мухи пьютъ.

Неумѣренная храбрость самой себѣ вредна.

1764 г.

МУЖИКЪ и ЛОШАДЬ.

Мужикъ будучи въ лѣсѣ за дровами, пѣняль на свою судьбу. Чѣмъ я предъ тобою судьба виноватъ, говорилъ крестьянинъ, что ты меня изъ подлыхъ произвела? О бѣдные мужики! Мы на своего барина работаемъ какъ ослы; кормимъ его, дрова и всѣ припасы ему привозимъ, а онъ насъ за то обижаютъ, и ешьли ему какой его товарищъ досадишь, то онъ съ нимъ не смогши, насъ обижаютъ. Сѣе размышленіе въ такую его привело досаду, что онъ сряду разъ съ пяшь крѣпко ударилъ свою лошадь, которая выслушала всѣ его жалобы. Тогда сѣя скопина такъ говорила мужику: ты въ томъ на барина жалуешься, въ чемъ самъ больше его виноватъ. Ты сердился на барина, а меня бьешь; хотя я

тебѣ больше добра дѣлаю, нежели ты барину; ибо безъ меня ты бы ему совѣмъ не годился. Ты мною пашешь хлѣбъ, копорой и самъ ѣшь и барину отвозишь. Дрова какъ для барина, такъ и для себя мною же возишь, однако не взирая на ту пользу, копорую я тебѣ приношу, безразсудно и безвинно меня бьешь, и ежели я такую ошь тебѣ сношу обиду и молчу, то и тебѣ ненадобно на барина жаловаться. Судьба наша почти одна. Теперь томъ виноватъ, кто несчастливъ, а правъ томъ, кто съ кѣмъ совладѣшь можешь.

Иного несчастіе усмирить не можетъ, и онъ больше другимъ вредитъ, нежели самъ претерпѣваетъ.

Религиозные сочинения

Къ грѣхамъ моимъ шакою я сдѣлалъ при-
вычку, что шакъ мнѣ легко было грѣшишь,
какъ говорись; и грѣшилъ съ шакою дерзо-
стїю и презрѣнїемъ, что будто бы Бога не
было, и не кого было за грѣхи опасаться.
Евангельскую истинну почиталъ я за баснь,
какъ шѣ Аееиспы, которые не вѣряшъ,
что она произошла изъ свяшѣйшихъ усшъ
Спасишеля нашего. Адъ я часшо мыслями
моими опровергалъ, и думалъ, что его нѣшъ;
а хошя бышю онаго и вѣрилъ, шо всегда
спарался любопышсшвомъ моимъ извѣдашь,
гдѣ онъ ешъ, а не какъ его избѣжашь. А
ешшли случилось, что я не могъ больше
сносись укоризнѣ моей совѣсши, и вздумалъ
Богу молишь: шо все мое набожесшво бы-
ло позлащено пришворсшвомъ. Голосъ мой
былъ Іаковль, а руки Исаевы; усшами я
признавалъ Бога; а дѣлалъ иное: и я похо-
дилъ на змѣю, часшо чешую свою перемѣ-
няющую, но никогда внушренняго своего
яда не шеряющую. Не довольно шого, что
я дѣлалъ зло, но еще спарался злымъ мо-
имъ дѣйсшвіямъ дашь имя добродѣтели, ос-
прошу разума и знанїе нѣкоторыхъ души
моей безполезныхъ наукъ, почиталъ я за
познанїе истинны, и часшо спарался оны-
ми опровергашь Священное писанїе, шого
не разсуждая, что одинъ философъ сорокъ
лѣшъ шрудился, чтошбъ узнать, какъ пчелы
дѣйсшвуютъ въ ульяхъ своихъ. Ежелижъ
шакая бездѣлица оспроумїю человѣческому
непосшижима: шо какъ намъ можно думашъ,
чтошбъ мы могли опровергашь слово Госно-
дне, кошорому шолько шопъ внемлешъ, кшо
Божїимъ Духомъ наполненъ. Свирѣносшь ча-

Вся жизнь моя прошекла или въ праздно-
сши, или въ безполезности; и я, шо всегда
шелъ, шо назадъ возвращался, шо вспавалъ,
шо паки на прежнее мѣсно садился, шо
спроилъ, шо ломалъ; всегда вознамѣрялся,
а никогда не производилъ въ дѣйсшвіе. Что
касаешся до моихъ добрыхъ дѣйсшвій, я ихъ
шолько дѣлалъ начиналъ, а ни одно оконча-
но не было. Ешшли я вспомню, какъ я оп-
правлялъ обыкновенныя мои молишвы, шо
самъ себя сшыжуся; слова молишвенныя какъ
горькой перецъ въ усшакъ моихъ обраща-
лись, и я сшѣшилъ шо скорѣе начашую мо-
лишву окончашъ; шакъ она мнѣ была вку-

РАЗМЫШЛЕНІЕ III.

Какъ строго Богъ грѣхъ наказываетъ, и ка-
кой вредъ отъ него бываетъ человеку.

Спатъся можешъ, что шы, несчастная
душа моя! думаешъ, что Богу не извѣсшны
грѣши швои: но шого еще не досшавало къ
швоей слѣпошѣ, чтошбъ шы была шоль без-
зумнаго мнѣнїя, какъ могушь бышь не из-
вѣсшны шому грѣши швои и количество
онихъ, кшо знаешъ, сколько у шебя на го-
ловѣ волосовъ. Разсуждай же сама себя об-
манывающая, душа моя! коль шрого Богъ
всегда наказывалъ грѣши. Или шебѣ неизвѣ-

«Трутень», 1770, Л. 16

СТИХИ

НА СМЕРТЬ

ФЕДОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЭМИНА,
Россійской Исторіи писателя,
послѣдовавшую въ Санктпетербургѣ
18 Апрѣля, 1770 года,
писанные къ его другу.

Къ тебѣ, кой дружбы былъ Эминовой искашель,
Пишу печальной стихъ, ты будь мнѣ сострада-
шель,

Прими участіе въ поскѣ моей души,
О смерти днесъ ево со мною пошужи.
Я знаю, что ево ты другомъ починялся,
И знаю, что скорбишь, что съ нимъ теперь ра-
спался.

Жалѣнья нашего сей есть достоинъ другъ,
За множество ево оказанныхъ заслугъ,
Во время крашкія своей на свѣшѣ жизни;
Онъ нашей описалъ дѣянїя опчизны.
Отъ опдаленнѣйшихъ начавши самыхъ лѣпшѣ,
Съ кошорыхъ только могъ Россїю вѣдашъ свѣшѣ,
Что Несшоръ написалъ, что предалъ Ломоносовъ,
Тапищевъ и Хилковъ писцы дѣлѣ древнихъ Рос-
совъ,
И множайшихъ другихъ писанїе мужей,
На коихъ шлещя онъ въ Исторїи своей;
Старался онъ сводить и привести въ согласность,
Доказывая ихъ одинъхъ съ другими разность.

По вычисленіямъ исправнымъ всѣхъ временъ,
Ученой свѣшъ ему шѣмъ много одолженъ:
Онъ сихъ его заслугъ во вѣки не забудешъ,
Безсмертная ему за трудъ сей слава будешъ,
И будешъ сожалѣшь, что шакъ въ корощкой вѣкѣ
Его полезну жизнь свирѣпой рокъ пресѣкъ.
Но что жалѣшь о помѣ, чему помочь не можно,
Намъ въ слѣдъ его ищи, хошь ранель, позналь
должно,
Хошь природа нашъ духъ къ жалости влечешъ,
Коль предъ глазами зримъ печальной мы предмѣшъ.
Умершій всѣмъ намъ сей пріятель ешь свидѣтель,
Мы дружбу всномнивши его и добродѣтель:
Онъ жалости себя не можемъ воздержашъ;
Но чтожъ оспалось намъ! оспалось лишь сказашъ.
Проси на вѣкѣ Эминъ, проси нашъ другъ лю-
безной,
Ты будешъ вѣчно живъ чрезъ трудъ швой всѣмъ
полезной.